

---

---

## СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ НАУЧНОЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ДИАСПОРЫ В БЕРЛИНЕ (20-Е ГГ. XX СТОЛЕТИЯ)

Г.С. Стародубцев

Кафедра международного права  
Юридический институт Российского университета дружбы народов  
*ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

Статья посвящена анализу правовой мысли российской эмиграции в Германии в 20-х гг. XX столетия. В статье рассмотрена издательская деятельность российской эмиграции, а также труды, написанные на русском языке в Берлине выходцами из России, прослежен жизненный путь некоторых российских юристов.

**Ключевые слова:** эмиграция, русская научная международно-правовая диаспора, правовая наука русской эмиграции, юрист-международник, издательская деятельность.

Образование российской международно-правовой научной диаспоры в Берлине явилось следствием военных поражений белых войск в 1918–1922 гг. Численность эмигрантов из России, по сей день являющейся предметом научных дискуссий [15. С. 117–119], оценивается примерно в два миллиона человек. Так считали лидеры двух противоположных военных и идеологических лагерей — В.И. Ленин [10. С. 39] и П.Н. Врангель [5. Л. 149]. С этой цифрой соглашалась эмигрантская печать [6. Л. 24]. «Наибольшее количество эмигрантов находится в Германии (500 тысяч человек)» — писала софийская газета «Русь».

Эмиграция российских юристов в Германию осуществлялась преимущественно через северо-западное направление — (Финляндия, Швеция). Берлин стал одним из первых центров российской международно-правовой научной диаспоры.

Творческий потенциал эмиграции значительно вырос за счет высылки из Советской России выдающихся деятелей культуры. Осенью 1922 г. два немецких парохода «Обербюргермейстер Хакен» и «Прейсен» привезли в Германию [2. С. 214–226] «единственный товар, который нынешнее русское правительство поставляет Европе обильно и бесплатно: хранителей культурных заветов России» [14].

Среди высланных за рубеж был профессор международного права Московского университета А.Л. Байков. Эмигрантская пресса практически не сохранила о нем никаких сведений. Известно лишь, что скончался ученый 31 декабря 1943 г. и похоронен 4 января 1944 г. на кладбище Бийанкур под Парижем.

Каждый из высылаемых подписал бумагу, в которой говорилось, что в случае его возвращения в РСФСР он будет расстрелян. Юрист по образованию М.А. Осоргин справедливо замечал, что «по закону» это не полагалось, закон предусматривал высылку на три года «лиц, причастных к контрреволюционным

выступлениям» [13], но «устно» было разъяснено, что высылка «навсегда» [17. С. 419].

К началу 20-х гг. XX столетия в Берлине обосновались, либо через Германию проследовали юристы Н.Н. Алексеев, А.Л. Байков, А.М. Горовцев, Г.Д. Гурвич, М.И. Догель, Ю.В. Ключников, М.Я. Лазерсон, А.Н. Мандельштам, Б.С. Миркин-Гецевич, Г.Н. Михайловский, Б.Э. Нольде, А.А. Пиленко, М.А. Таубе, М.А. Циммерман, О.О. Эйхельман, А.С. Яценко и др.

В Берлине к 1922 г. существовала научная организация российской эмиграции — германская академическая группа. В ней имели серьезное влияние юристы-международники. С 1921 г. регулярно издавались научные труды, созывались научные съезды. Оформилось множество издательств, печатались журналы и газеты, в которых помещались правовые публикации.

Организационной формой сотрудничества интеллектуальных сил русской эмиграции и центральным органом русских ученых стал «Союз Русских академических организаций за границей». Он поставил себе целью продолжить дело русской науки и русского образования среди эмиграции.

В 1920–1924 гг. Берлин стал интеллектуальной «столицей» русского зарубежья. Этому способствовал ряд объективных экономических и политических обстоятельств. В условиях послевоенной инфляции в Германии русский конвертируемый рубль периода НЭПа имел выгодный обменный курс. Относительное экономическое благополучие и низкие цены, с одной стороны, создавали условия для предпринимательской деятельности русских, в частности, издательской, с другой — установление дипломатических отношений между Германией и Советской Россией в Рапалло в 1922 г. стимулировало их экономические и культурные связи.

Берлин в силу этих причин являлся не только пристанищем эмигрантов, но и точкой соприкосновения с Советской Россией. Установление дружеских отношений между Советской Россией и Веймарской республикой способствовало приезду в Берлин советских граждан и широким контактам между ними и эмигрантами. Создавалась возможность взаимодействия эмигрантской и Советской России, что особенно проявлялось в создании крупного издательского комплекса за рубежом. У советских граждан появилась возможность с советским паспортом и визой ездить в Берлин в командировки, их основную массу составляли представители издательского дела. Русских в Берлине было так много, что известное издательство «Грибен» выпустило русский путеводитель по Берлину.

Писатель Андрей Белый, приютившийся в начале 1920-х гг. в Берлине, вспоминал, что район Берлина Шарлоттенбург русские называли Петербург: «В этой части Берлина встречаются вам все, кого не встречали вы годами, не говоря о знакомых; здесь “некто” встречал всю Москву и весь Питер недавнего времени, русский Париж, Прагу, даже Софию, Белград... Здесь русский дух: весь Русью пахнет!.. И изумляешься, изредка слыша немецкую речь: Как? Немцы? Что нужно им в “нашем” городе? Жизнь русской колонии сосредоточилась в западной части города. Здесь “царили” русские, здесь у них было шесть банков, 87 издательств, три ежедневные газеты, 20 книжных лавок» [3].

Немецкий славист, автор и редактор книги «Русские в Берлине 1918–1933 гг. Встреча культур» Фриц Мирау писал, что взаимоотношения немцев и русских в Берлине были сложными, у русских с берлинцами было мало общего. Очевидно, они не признавали рационалистического отношения к жизни, характерного для немецкой нации, а после 1923 г. многие уехали из Берлина. Уже в 1925 г. в Берлине проживало — 250 тысяч русских эмигрантов, в 1928 — 150, а в 1934 — только 50 тыс. [8].

Как и в других эмигрантских центрах, здесь были созданы многочисленные общественные, научные, профессиональные организации и союзы. Среди них «Союз русских журналистов и литераторов», «Союз русской присяжной адвокатуры», «Союз русских переводчиков в Германии», «Союз российских студентов в Германии», «Клуб писателей» и др.

Главное, что отличало Берлин от других европейских эмигрантских колоний, была его издательская деятельность. В Берлине издавалось несколько русских газет и журналов. Наряду с эмигрантскими газетами (ежедневные «Руль», «Голос России», «Дни», еженедельная «Время») выходил и откровенно просоветский журнал «Новый мир», а позднее газета «Накануне». Наряду с Г.Л. Кирдецовым ее редактором был профессор международного права Ю.В. Ключников. Газеты «Руль» и «Накануне» играли в эмиграции большую роль и ставились в ряд за парижскими «Последними новостями».

Многие издательства преследовали цель — не потерять связи с Россией. Русские издательские предприятия в Берлине (З.И. Гржебина, «Слово», И.П. Ладыжникова, «Эпоха», «Геликон», «Грани», «Ольга Дьякова и Ко», «Русское творчество», «Мысль» и др.) готовы были обслуживать и советский и эмигрантский рынок и печатать авторов, проживающих как внутри, так и вне России. В журналах печатались и эмигранты, и советские писатели.

Русское население Берлина, особенно в его западных кварталах, было велико [16. С. 6]. Русские наводнили собой район Шарлоттенбург. Здесь открылись русские издательства, театры, клубы. По воспоминаниям современников, на Курфюрстендам почти не было слышно немецкой речи. Коренные жители переименовали его в Нэпский проспект, а сам район в Шарлоттенград.

«Говорят, — свидетельствовал отставной генерал А.А. Лампе, — в Шарлоттенбурге из 300 тысяч русских, живущих в Берлине, находятся 200 тысяч. Если это так, то три четверти из них — жида. Русская речь слышна всюду, и немудрено, что немцы раздражаются и завидуют русским предприятиям, порой закрывая их. В Берлине одних русских ресторанов 35 сортов, водочных заводов — 3, книжных издательств и магазинов масса... можно продолжать дело губернатора Берлина Суворова» [6. Л. 24].

Русская эмиграция существовала изолированной общиной. В своих воспоминаниях В.В. Набоков писал: «За пятнадцать лет жизни в Германии я не познакомился близко ни с одним немцем, не прочел ни одной немецкой газеты или книги и никогда не почувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка» [12. С. 284]. Он разъяснял, почему это было возможно: «В Берлине и Париже, двух столицах эмиграции, русские образовали компактные ко-

лонии, в которых коэффициент культуры значительно превосходил среднее арифметическое более разбавленной окружающей национальной среды. В этих колониях русские крепко держались друг за друга. Я имею в виду, конечно, русских интеллигентов, принадлежавших в основном к демократическим слоям... Жизнь в русской колонии была так заполнена и насыщена, что у интеллигенции не было ни повода, ни времени для создания других связей вне этого круга» [22. Р. 277].

Самым маститым российским юристом-международником, оказавшимся в начале 20-х гг. в Берлине, был М.А. Таубе. Его перу принадлежит монография «Вечный мир или вечная война? (Мысли о Лиге Нации)» (Берлин, 1922. — 109 с.). В ней имеется приложение, в которое вошло ранее никогда не публиковавшееся письмо А.Н. Толстого к М.А. Таубе от 18–19 декабря 1903 г. [7. Л. 25].

Из других российских юристов-международников в этот период на относительно продолжительное время в Берлине обосновались двое: Ю.В. Ключников и А.С. Яценко. Другие ученые или еще не заявили о себе как о юристах-международниках (Г.Д. Гурвич) или отошли от изучения международно-правовых проблем (Н.Н. Алексеев), или бывали в Берлине проездом (А.Н. Мандельштам, Б.С. Миркин-Гецевич, Б.Э. Нольде, А.А. Пиленко и др.). Помимо издательской деятельности, ученые преподавали на различных курсах. Так, Ю.В. Ключников в августе 1921 г. прочитал курс лекций в Международном университете в Брюсселе под названием «Социология международных политических отношений». Там же планировались лекции Б.Э. Нольде и Б.Е. Шацкого.

В 1920–1923 гг. одним из активнейших деятелей «русского» Берлина стал профессор международного права А.С. Яценко. 3 июня 1920 г. он принял деятельное участие в учредительном собрании русских ученых Берлина, основавшем Русскую академическую группу в Берлине. Группа ограничивалась лекциями для русских студентов, обучавшихся в Париже. Только в 1921 г. Б.Э. Нольде прочитал лекцию «О современном положении Франции», Г.Д. Гурвич «Об идее неотъемлемых прав лица», М.Я. Лазерсон «О праве и правизне» [18. С. 40–43 ] и т.д.

В 1921 г. А.С. Яценко основал журнал «Русская книга» и стал его редактором. Предваряя издание, он писал: «По мере сил своих мы стремились создать... мост, соединяющий зарубежную и русскую печать» [3]. Журнал выходил вначале при крупнейшем тогда в Берлине русском книжном магазине «Москва». В 1921 г. вышло девять номеров журнала. Харбинская ежедневная газета «Русский голос» за 28 марта 1922 г. № 501 сообщила: «Журнал этот... оставаясь в стороне от какой бы то ни было политической борьбы, будет стремиться собрать и объединить сведения о русской литературной и издательской деятельности, как в России, так и за рубежом» (с. 1). В другом номере сообщалось: «Профессору Яценко удалось объединить в своем журнале цвет русской мысли... Библиографический отдел поставлен прекрасно. Часто узнаешь о какой-нибудь незначительной брошюрке, вышедшей в Харбине или Владивостоке, из «Русской книги». Так незначительно и незаметно ее появление и столь хорошо осведомлен профессор Яценко» [21. С. 4].

В 1922 г. журнал стал именоваться «Новая русская книга». Журнал сразу же приобрел значение бесспорного справочного центра по истории российской эмиграции и текущей русской литературы. Международно-правовых статей журнал не содержал. Однако в нем имелся раздел «Судьбы и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1920 гг.». Для ученого этот раздел журнала и сейчас продолжает служить незаменимым источником (в большинстве случаев надежных) сведений о судьбе, перемещениях, работе и замыслах не только крупных, прославленных юристов, но и второстепенных, бесследно исчезнувших впоследствии из анналов русской правовой научной жизни.

Специальных трудов по международному праву в означенный период А.С. Ященко не оставил, хотя писал много и хорошо на самые различные темы. Но выполняемый им в течение трех лет раздел «о судьбах и работах» русских культурных деятелей содержал немало справок об ученых. Они-то и явились той отправной платформой, с которой пришлось распутывать замысловатые нити судеб русской профессуры в послереволюционный период.

Активно занимался в берлинский период общественно-политической деятельностью и другой российский юрист-международник — Ю.В. Ключников. В Берлин он окончательно перебрался в конце 1921 г., где основал ежедневную газету «Накануне». Она просуществовала до лета 1924 г.

Ю.В. Ключников до Берлина успел стать одним из шести авторов вышедшего в июле 1921 г. в Праге и весьма шумевшего в эмиграции сборника статей под названием «Смена вех». Сборник открыл новое идеологическое течение в эмиграции — «сменовеховство», аргументирующего необходимость принятия социалистической революции в России. Активным деятелем этого течения стал Ю.В. Ключников.

Некоторое время спустя в Париже начал выходить под тем же названием еженедельный журнал. Редактировал его Ю.В. Ключников. «Смена вех» прекратилась на № 20, вышедшем 25 марта 1922 г.

Ю.В. Ключников считал идею мировой пролетарской революции воплощением идеи российской великодержавности и предлагал сторонникам Великой России идти на сотрудничество с большевиками — «единственной силой, оказавшейся способной вывести широкие русские массы на большие исторические пути». Как юрист-международник, он указывал на неправомерность, с правовой точки зрения, притязаний к Советской России западных держав, желающих воспользоваться ее слабостью для восстановления собственной экономики; считал необходимым вести спор с представителями этих правительств, встающими в позу «непогрешимых цензоров добрых международных нравов».

Главным делом Ю.В. Ключникова в берлинский период его жизни было редактирование им газеты «Накануне». Он также принимал участие в издаваемом в Петрограде общественно-литературном и научном ежемесячном журнале «Новая Россия».

Ю.В. Ключников, будучи кадетом, не принял Октябрьскую революцию в России. В 1918 г. деятельно участвовал в антибольшевистском мятеже в Яро-

славле, в правительстве адмирала Колчака (1918–1919 гг.) занимал пост министра иностранных дел. Однако в эмиграции у него произошел перелом в политическом сознании. «Вот уже год, как я отстаиваю мысль о прекращении вооруженной борьбы с большевистским правительством...», — писал Ю.В. Ключников из Парижа в Берлин 25 апреля 1921 г. редактору «Русской книги» А.С. Ященко. — Нет такой силы, которая могла бы придти на смену теперешнему режиму, разломав все сделанное им, и которая вместе с тем могла бы сама что-то осуществить и что-то хорошее создать. Спасение России и остальных народов в естественной эволюции к новым формам социальной жизни, требуемой и сознанием приобретших небывалую политическую силу трудящихся масс, и событиями последних лет... Таково основное в моем политическом настроении, которое долго вынашивалось, и, надеюсь, способно выдержать всякие испытания» [20. С. 107–108].

Свои политические постулаты Ю.В. Ключников изложил в книге «На великом историческом переломе. — Берлин, 1922» [19]. и в пьесе «Единый куст. Драматические картины из русской жизни. — Берлин, 1923» [1. С. 282–283]. В седьмом номере газеты «Накануне» он писал: «...я никогда не служил ни эсерам, ни реакционерам, а сейчас отнюдь не служу большевикам. Я служил и служу, в меру своего понимания и умения, России. Работаю совместно с теми или другими, пока считаю правильным и нравственным, обязательным для себя. От эсеров я не уходил — их устранили помимо моей воли, от Колчака я ушел сам. Если наступит момент, когда сочту невозможным поддерживать большевиков, “разойдусь” и с ними. Но, расходясь, я не перевожу вопрос на личную почву, не даю волю личной досаде, я не сваливаю всю вину на других».

Главная творческая деятельность Ю.В. Ключникова с конца 1921 г. по август 1922 г. протекала в основанной и редактируемой им просоветски настроенной газете «Накануне». 1 июня 1922 г. в Москве по адресу Гнезниковский переулок, дом 9 было открыто юридическое отделение главной конторы редакции. Она стала единственной эмигрантской газетой, официально распространявшейся в Советской России. До сих пор до конца не ясен источник финансирования этой газеты.

Первый номер газеты вышел в свет 26 марта 1922 г. «Мы назвали нашу газету “Накануне”, — писалось в редакционной статье, — и, думаем, что это название верно отражает как наше основное политическое настроение, так и наши ближайшие политические идеи... Сегодняшний день есть день великого исторического кануна... Это или канун совершения неопишуемой всемирной разрухи, за которой всемирная революция, или канун всеобщей добровольной уступки требованиям революции, за которой новая светлая эра. В решающий момент не должно быть колеблющихся и нейтральных... Наш выбор — вместе с Россией за прогресс... Мы не согласны, что прошлое мертво, — писали редакторы. — ...Все ценное, что мир веками накопил в непрерывном творчестве, должно быть бережно и с любовью вручено грядущим поколениям. Хочется верить, что мы накануне дня всеобщего примирения. Необходимо работать, чтобы вопреки всем препятствиям быть накануне этого дня...».

1 июня 1922 г. газета информировала своих читателей: «Сегодня с вокзала “Фридрихштрассе” выехали в Россию как специальные корреспонденты газеты “Накануне” Ю.В. Ключников и Ю.Н. Потехин». По прибытии в Москву Ю.В. Ключников дал в газету несколько репортажей на бытовые темы и к вопросам международного права уже не возвращался. 23 августа 1922 г. газета сообщила о том, что Ю.В. Ключников и Ю.Н. Потехин с сего дня в редакционной коллегии газеты «Накануне» не состоят. В качестве разъяснения указывалось, что они неоднократно проводили в своих публичных выступлениях грань между их личными взглядами и направлением газеты «Накануне». С исчерпывающей ясностью это размежевание высказано в интервью, данном Ю.В. Ключниковым («Известия», 17 августа 1922 г., № 1623).

Вывод Ю.В. Ключникова из состава редакторов газеты был логическим следствием его идеологических расхождений с другим редактором — Г.Л. Кирдецовым, о чем последний коснулся в № 85 «Накануне». Кроме того, сам Ю.В. Ключников признался, что он с Ю.Н. Потехиным «с момента выезда в Россию... никакого фактического участия в редактировании... газеты не принимали» [4. С. 3].

В интервью, данном корреспонденту «Известий», он, в частности, пояснял: «Говоря о наших идеологических разногласиях ввиду их общественно-политического значения, нельзя, к сожалению, обойти молчанием и наших разногласий чисто тактического характера. Создавая газету “Накануне”, мы имели в виду вести ее в тех же “академических” тонах и в тоне серьезной полемики с нашими противниками, в которых был составлен сборник “Смена вех” и велся еженедельный журнал “Смена вех”.

Но газета не то же, что сборник или еженедельник, и скоро темперамент участников редакции стал толкать газету по пути огрубения приемов полемики. А за огрубением полемики неизбежно пришло и огрубение “поддержки Советской России”. Ни в какой мере не являясь официозом, мы то и дело слышали уже упомянутые мною обвинения в официозности, а та русская интеллигенция, которая для нас особенно интересна как аудитория, все меньше и меньше чувствует нашу с ней общность. Правильное дело пошло неправильными путями. Мы с Ю.Н. Потехиным оказались в этом вопросе на крайнем “правом” фланге, и наш совместный отъезд в Россию повлек за собой изменение тона и облика газеты гораздо более резкое, чем можно было бы ожидать».

Таким образом, Ю.В. Ключников в плане поддержки Советской власти оказался более прохладным, нежели его коллеги по редакции. Свои политические постулаты, как представителя сменовеховского центра, Ю.В. Ключников выразил следующими словами: «Мы не верим в немедленное водворение коммунизма в России и потому не считаем себя обязанными быть непреложно коммунистами. Мы совершенно не хотим восстановления в России “буржуазной” структуры, но отсюда не следует, что она не вернется... Мы настойчиво повторяли и повторяем, что стремимся к сохранению Россией максимума ее революционных завоеваний, ибо чем больше таких завоеваний, тем полнее оправдываются сопутствующие революции грехи ее и преступления. Ни в какой мере

мы не будем мешать России стать подлинно коммунистической... Коммунистическая партия совершенно справедливо учла большое значение сменовеховства, но несправедливо усмотрела в его росте “опасность” для себя. Не может быть опасности в том, что прежние враги становятся друзьями... коммунистической партии не зачем проявлять в отношении нас излишней подозрительности. Мы определенно заявляли и заявляем, что идем ей на помощь, и мы ясно сознаем, что без нас ей несравнимо труднее... Вот почему мы со спокойной душой можем говорить о наших “дружеских чувствах” к коммунистам. Мы говорим это не как «выброшенные из жизни», чтобы сделать приятное сильным мира сего, а как представители той силы, которая по-своему также нужна России, и зреет в ней» [4. С. 3].

В Москве Ю.В. Ключников дал несколько корреспонденций в Берлин, рисующих в довольно оптимистичных тонах быт в российской столице. Эмигрантская печать холодно отозвалась о его литературных обзорах. «Об успехах коммунизма сообщает г. Ключников, приехавший в Москву для представления по начальству и для выступления на процессе эсеров в качестве достоверного лжесвидетеля», — писала харбинская газета «Русский голос» за 9 августа 1922 г. В ней говорилось о том, что «сотни тысяч людей умирают с голода», о «небывалой экономической и финансовой катастрофе в России», которая не может не внушать «невеселые мысли даже сменовеховцам». «Но этого не приметил, — констатировала газета, — идущий в гору коммунистический чиновник в своих игривых московских корреспонденциях».

Летом 1922 г. Ю.В. Ключников принял решение прекратить свою политическую деятельность за границей, остаться в Советской России, заняться научной и преподавательской деятельностью в области международного права. «Отделение внешних сношений при Московском университете возбудило ходатайство перед деканатом факультета общественных наук о зачислении профессора Ю.В. Ключников на должность штатного профессора. Деканат уведомил Ю.В. Ключникова, что ходатайство отделения поддержано им и направлено в соответствующие инстанции для выполнения связанных с зачислением формальностей. Ю.В. Ключникову предложена кафедра международного публичного права, на занятие которой получено уже принципиальное согласие...» («Руль», 27 июля 1922 г., № 503). «Вот почему, — говорил Ю.В. Ключников, — если мы и до поездки по провинции решили, что нам (он и Ю.Н. Потехин — Г.С.) уже нет оснований долго задерживаться за границей, и я принял сделанное предложение занять с осени кафедру в Московском университете... то после этой поездки мы уже окончательно укрепились в мысли о скором возвращении в Москву» [4. С. 3].

Таким образом, к 1922 г. в Берлине сложилась русская научная международно-правовая диаспора. Преподавание международного права, многочисленные работы по международному праву, рассмотрение проблем международного права на различных русских научных и общественно-политических форумах — дает основание сделать вывод об организационном оформлении международно-правовой науки русской эмиграции.

#### ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аминадо Д.* Поезд на третьем пути. — Нью-Йорк, 1954.
- [2] *Бердяев Н.А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. — М.: Мысль, 1991.
- [3] *Вандалковская М.* Русская эмиграция в XX веке. URL: [http://ruskline.ru/monitoring\\_smi/2004/03/01/russkaya\\_migraciya\\_v\\_hh\\_veke](http://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/03/01/russkaya_migraciya_v_hh_veke).
- [4] *Волков А.* Беседы с профессором Ю.В. Ключниковым // Известия. — 1922. — № 184. — 17 авг.
- [5] ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5783. Оп. 1. Д. 503.
- [6] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 8.
- [7] ГАРФ. Ф. 596. Оп. 1. Д. 9.
- [8] Генерал Власов. Книги. Статьи. Документы. URL: <http://bibliotekar.ru/general-vlasov/66.htm>.
- [9] *Дюшен Б.* Новые люди // Накануне. — 1922. — № 11. — 7 апр.
- [10] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. — Т. 44.
- [11] Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930). — Белград, 1931. Выпуск 1; 1941. Выпуск 2.
- [12] *Набоков В.В.* Другие берега. Соб. соч. В 4 т. — М.: Правда, 1990. — Т. 4.
- [13] *Осоргин М.* Как нас уехали // Последние новости. — 1932. — 28 авг.
- [14] *Осоргин М.* Татьянин день // Дни. — 1923. — 25 янв.
- [15] *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. — М., 1986.
- [16] Русские эмигранты в Германии // Еврейская трибуна. — 1922. — № 110.
- [17] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. — Нью-Йорк, 1956. — Т. 2.
- [18] Съезды Русских академических организаций за границей. — Прага, 1923.
- [19] *Татаринов В.* Оправдание зла (Лекция доцента Ключникова) // Руль. — 1921. — № 279. — 16 окт.
- [20] *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин 1921–1923. — Париж, 1983.
- [21] *Эремита В.* Новая русская книга // Русский голос. — 1922. — № 610. — 16 авг.
- [22] *Nabokov V.* Speak memory. An autobiography revisited. — New-York, 1969.

### FORMATION OF RUSSIAN SCIENTIFIC INTERNATIONAL LEGAL COMMUNITY IN BERLIN (20 YEARS OF XX CENTURY)

G.S. Starodubtsev

The Department of International Law  
Peoples' Friendship University of Russia  
6 Miklukho-Maklaya, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the legal thought of the Russian emigration in Germany in the 20 years of XX century. It also deals with the publishing activities of the Russian emigration, investigates writings of Russian emigrants written in Russian in Berlin and traces life journey of some Russian lawyers.

**Key words:** emigration, Russian scientific international legal diaspora, legal science of Russian emigration, international lawyer, publishing activities.

## REFERENCES

- [1] *Aminado D.* Poezd na tret'em puti. — N'ju-Jork, 1954. — S. 282–283.
- [2] *Berdjaev N.A.* Samopoznanie: Opyt filosofskoj avtobiografii. — M.: Mysl', 1991.
- [3] *Vandalkovskaja M.* Russkaja jemigracija v XX v. URL: [http://ruskline.ru/monitoring\\_smi/2004/03/01/russkaya\\_migraciya\\_v\\_hh\\_veke](http://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/03/01/russkaya_migraciya_v_hh_veke).
- [4] *Volkov A.* Besedy s professorom Ju.V. Ključnikovym // *Izvestija*. — 1922. — № 184. — 17 avg.
- [5] GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii), f. 5783, op. 1, d. 503. — L.149.
- [6] GARF, f. 5853, op. 1, d. 8. — L.24.
- [7] GARF, f. 596, op. 1, d. 9. — L. 25.
- [8] General Vlasov. Knigi. Stat'i. Dokumenty. URL: <http://bibliotekar.ru/general-vlasov/66.htm>.
- [9] *Djushen B.* Novye ljudi // *Nakanune*. — 1922. — № 11. — 7 apr.
- [10] *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenij. — T. 44.
- [11] *Materialy dlja bibliografii russkih nauchnyh trudov za rubezhom (1920–1930)*. — Belgrad, 1931. Vyp. 1; 1941. Vypusk 2.
- [12] *Nabokov V.V.* Drugie berega. Sobranie sochinenij: V 4 t. — M.: Pravda, 1990. — T. 4.
- [13] *Osorgin M.* Kak nas uehali // *Poslednie novosti*. — 1932. — 28 avg.
- [14] *Osorgin M.* Tat'janin den' // *Dni*. — 1923. — 25 janv.
- [15] *Poljakov Ju.A.* Sovetskaja strana posle okončanija graždanskoj vojny: territorija i nasele-nie. — M., 1986.
- [16] *Russkie jemigranty v Germanii* // *Evrejskaja tribuna*. — 1922. — № 110.
- [17] *Stepun F.* Byvshee i nesbyvsheesja. — N'ju-Jork, 1956. — T. 2.
- [18] *Sezdy Russkih akademicheskikh organizacij za granicej*. — Praga, 1923. — S. 40–43.
- [19] *Tatarinov V.* Opravdanie zla (Lekcija docenta Ključnikova) // *Rul'*. — 1921. — № 279. — 16 okt.
- [20] *Flejšman L., H'juz R., Raevskaja-H'juz O.* Russkij Berlin 1921–1923. — Parizh, 1983.
- [21] *Jeremita V.* Novaja russkaja kniga // *Russkij golos*. — 1922. — № 610. — 16 avg.
- [22] *Nabokov V.* Speak memory. An autobiography revisited. — New-York, 1969.